С. М. Марчукова

«ЛАБИРИНТ СВЕТА И РАЙ СЕРДЦА» Я. А. КОМЕНСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПЕДАГОГИКА

Работа представлена кафедрой истории педагогики Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

В статье обоснована актуальность сочинения «Лабиринт света и рай сердца» (1623), которому принадлежит особое место в педагогическом наследии Я. А. Коменского (1592–1670). Автор акцентирует внимание на социокультурных предпосылках педагогики Нового времени в их связи с современной ситуацией, а также с проблемой возвращения к истокам и традициям европейской педагогики. Проанализированы концептуальные и содержательные аспекты сочинения «Лабиринт света и рай сердца», определяющие его актуальность для современной педагогики.

Ключевые слова: *наследие Я. А. Коменского, «Лабиринт света и рай сердца», педагогика Нового времени, пансофия, практическая направленность образования, духовно-нравственное воспитание.*

S. Marchukova

"LABYRINTH OF THE WORLD AND PARADISE OF THE HEART" OF J. A. COMENIUS AND MODERN PEDAGOGICS

The paper proves the topicality of the work "Labyrinth of the World and Paradise of the Heart" (1623), which holds a special position in the pedagogical heritage of J. A. Comenius (1592–1670). The author of the paper draws attention to the sociocultural preconditions for pedagogics of the early modern period in their connection with the contemporary situation and the problem of reversion to the origins and traditions of European pedagogics. The author also analyses the conceptual and substantial aspects of the "Labyrinth of the World and Paradise of the Heart" determining its relevance for modern pedagogics.

Key words: *heritage of J. A. Comenius, "Labyrinth of the World and Paradise of the Heart", pedagogics of the early modern period, pansophy, practical orientation of education, moral education.*

Актуальность изучения наследия Я. А. Коменского (1592–1670) обусловлена прежде всего тем, что в его эпоху просматривается начало и развитие процессов, которые проявились в наше время [13]. Сходство эпох обусловило сходство проблем, нашедших отражение в педагогике. Сформированная в преддверии Нового времени, в эпоху становления глобального сознания, она отразила необходимость воспитания нового человека, соот-

ветствующего новой исторической ситуации, новым социокультурным условиям. Такой человек должен быть самостоятельным, предприимчивым, поскольку ему предстоит сделать выбор, найти свою дорогу в «лабиринте света», который «есть рынок, наполненный разными товарами и людьми, которые эти товары продают, покупают и рассматривают» (Я. А. Коменский). «Лабиринт света» здесь – весь земной мир: современные историки педагогики отмечают, что «Коменский мыслил всемирно (глобально), а не только «по-европейски» (W. Korthaase).

Рождение нового научного сознания в эпоху барокко, его взаимосвязи и взаимовлияния с социокультурными явлениями XVII столетия – вот тот исторический фон, который отразился в структуре и содержании «Лабиринта света» [5]. Современная проблема возвращения к истокам и традициям европейской педагогики все чаще обращает внимание исследователей к наследию Я. А. Коменского. Документы Болонского процесса («Коммюнике встречи европейских министров» в Праге 19 мая 2001 г. и в Берлине 19 сентября 2003 г.) начинаются с указания на необходимость «отношения к образованию как к общественному благу». Эта формулировка, принадлежащая Я. А. Коменскому, не случайно была в центре внимания международной конференции «Пусть вещи не знают насилья – Коменский и мир во всем мире» (Gewalt sei ferne den Dingen – Comenius und der Weltfriede), состоявшейся 4 октября 2001 г. в Берлине, вскоре после совершения известных террористических актов 11 сентября 2001 г. На ней ученые разных стран отмечали роль трудов Коменского в современном диалоге культур, в поисках путей к миру, к пониманию между народами. Среди тем основных докладов: «Коменский как духовный предшественник ЮНЕСКО» [16, с. 34, 36]; «Пусть вещи не знают насилья». Какие шансы имеет воплощение этой мысли после 11 сентября, что человечество может сделать для этого?» [Там же, с. 51]; «Всеобщий совет» Коменского и современная глобализация» [Там же, с. 54], толерантность и «Ангел мира» Коменского [Там же, с. 152].

Особое место в наследии Коменского принадлежит сочинению «Лабиринт света и рай сердца) (1623). Современные авторы называют его вершиной литературного творчества Коменского (С. Скорвид), «одной из величайших книг общечеловеческого значения» (Ф. Йейтс). Г. Н. Джибладзе в своей известной монографии «Философия Коменского» (1982) отмечал, что для понимания философии великого педагога особенно важен «известный труд Коменского «Лабиринт света и рай сердца», в котором изложено его философское кредо со всеми присущими ему характерными признаками». В «Лабиринте света», как отмечает Э. Шадель (E. Schadel), рассуждая о значении этого произведения для современной культурной антропологии и педагогики, совершается «решающий переход от человека в мире к миру в человеке» [18, с. 55]. По мнению З. И. Равкина, «Лабиринт света и рай сердца» – это, своего рода, методологический ключ к системе его (Коменского. – *С. М.*) общественно-этических и педагогических воззрений» [10, с. 81].

Что дает современным педагогам и философам основание для такой высокой оценки этого сочинения? Разумеется, это талант автора, его образный язык, удивительная сердечность и искренность в обращениях к читателю. Однако есть и другие причины – многочисленные социокультурные связи эпохи Коменского с нашим временем. Речь идет не только о том, что эпоха барокко, как отмечают многие современные исследователи, стала «первым отчетливым проявлением современной культуры и современного мировосприятия», поскольку именно в эту эпоху человек расстается с привычной каноничностью и как в искусстве, так и в науке оказывается лицом к лицу с миром, который находится в движении и требует от него изобретательности [15, с. 33, 76]. В российской педагогике осознана задача подготовки человека к жизни в современном мире – «лабиринте света», полном соблазнов и искушений, где так легко потерять себя. Эта задача больше не сглаживается представлениями о социально однородном обществе, в котором нет лабиринтов, а есть только прямая

дорога с ясными и конкретными указателями. Такими «указателями» часто были в сознании педагогов и правила «Великой дидактики» Я. А. Коменского. Казалось, здесь даны ответы на все вопросы. В тени этой знаменитой «книги ответов» долгое время была «книга вопросов» – «Лабиринт света и рай сердца».

По многочисленным площадям и улицам земного мира – «лабиринта света», «рынка» людской жизни путешествует Странник, от имени которого ведется повествование. Его сопровождают два спутника, две аллегорические фигуры – Всевед и Обман. Они одевают ему на нос очки «из стекла догадки» и показывают жизнь многочисленных обитателей Города – «лабиринта света» – философов и ремесленников, правителей и воинов, купцов и алхимиков, священников и мудрецов. Спутники оставляют Странника лишь «дойдя до краев света и солнца, откуда другие, закрыв глаза, выбрасывали своих мертвых». Вместе с ними лишается он и «очков обмана»: перед лицом смерти обман заканчивается. Приходит конец блужданиям в «лабиринте света», в «раю сердца» находит он радость и душевный покой.

Для каждого времени актуален образ героя «Лабиринта света». Лабиринт доминирует среди образов и метафор современной культуры. Наше время, с одной стороны, восстанавливает старые образы, с другой стороны, уже сами формы их восстановления выявляют иные аспекты и смыслы старых символов. По мнению М. С. Когана, образ нашей эпохи соответствует динамичной структуре лабиринта, определяемой «поисками преодоления противоречий и конфронтаций, разрывов, антагонистических противостояний, которое принесло с собой в первой половине XX в. торжество модернизма». При этом автор отмечает: «лабиринт современной культуры имеет второй уровень – параллельное развитие черт будущего в настоящем, в их конфронтации с пережитками прошлого и в причудливом с ними переплетениях» [8, с. 150–151] «Параллельное развитие» такого рода, очевидно, было свойственно «лабиринту культуры» каждой эпохи. И это имеет прямое отношение к современному восприятию «Лабиринта света».

«Видимо, человек сегодня имеет дело с серьезными смещениями в парадигмальной системе координат ценностно-онтологических ориентаций, – пишет Л. М. Морева. – При всей гибкости этой системы требуется, несомненно, определенная бдительность для сохранения ее жизненной силы... Здесь было бы небесполезно среди прочего услышать весьма актуальное напоминание – призыв: “Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны...” (Откр., 3.2.)» [Там же, с. 158–159]. «Утверждать близкое к смерти» стремится и Странник, герой «Лабиринта света», это стремление постоянно высмеивают его спутники – Всевед и Обман. Здесь в очередной раз проявляется та вертикальная составляющая текста Коменского, которая дает читателю опыт «принципиальной отличенности путей «нисхождения» и «восхождения» [Там же]. Впрочем, эта «вертикальная составляющая» (как вектор и как ориентир) не всегда присутствует в текстах современной культуры, применительно к которой определение «мозаичная» стало нарицательным. Мозаика здесь – не средневековый витраж и не картина, а набор случайных элементов, сочетание которых в любой момент может стать другим, как это бывает при легком повороте трубы детского калейдоскопа. Узоры такой мозаики подобны коридорам лабиринта. Перечислим некоторые актуальные концептуальные и содержательные линии «Лабиринта света», во многом определяющие условия проявления «*эффекта межпарадигмальной развертки* во времени целого ряда педагогических идей, принципов, некогда впервые сформулированных Я. А. Коменским» [4, с. 15].

- ***Выявление практической направленности пансофической идеи***

В «Лабиринте света» находит отражение стремление Коменского к построению пансофии – системы универсальной мудрости, в основе которой – чувство, разум и св. Писание. «Лабиринт света» можно назвать прологом пансофии, введением в пансофическое знание. Такая преемственность проявляется уже на первых страницах текста. «После муче-

ний и колебаний душой, – пишет Коменский от имени Странника, – я пришел к тому заключению, что прежде всего нужно *посмотреть все человеческие дела* (курсив мой. – *С. М.*)... и, сравнив разумно одно с другим, выбрать себе положение» [5, с. 17]. Здесь читатель имеет возможность почувствовать логику формирования пансофической идеи в сочинениях Коменского. «Всеобщий совет по исправлению дел человеческих» уже своим названием возвращает читателя к искреннему, поэтическому, и иногда беспощадному описанию «дел человеческих» в «Лабиринте света». Это название ассоциируется и с другим сочинением Коменского – «Зрелище Вселенной» (Theatrum univetsitas rerum), запланированным и начатым им во фрагментах еще в студенческие года, во время учебы в Гернборне. «Лабиринт света» в живом и художественном образе отражает мир как рынок, наполненный товарами, в котором человек, лишенный сердечного тепла и душевного покоя, сам становится товаром.

Являясь прологом, преддверием пансофии, «Лабиринт света» дает образ трудного процесса формирования знания, определяющего собой поведение человека, его деятельность, выявляет практическую направленность пансофической идеи. По точному замечанию А. Тремла (A. K. Treml), три сочинения Коменского – «Видимый мир в картинках», «Великая дидактика» и «Лабиринт света и рай сердца» стали классикой не потому, что показывают, как должно быть, учат тому, что «правильно», а потому, что они демонстрируют движение разных соотношений формы и содержания внутри единой пансофической идеи, единой педагогической системы [17, с. 873]. Это движение есть предпосылка «духовной навигации» (В. Розин), которая предполагает не только «наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения», но и «стремление реализовать намеченный жизненный сценарий» [11, с. 20].

По словам К. Шаллера, пансофия Коменского заслуживает префикса «пан-» не только потому, что предполагает универсальность познания, но и потому, что критерием такого познания является возможность реально строить свою жизнь. Пансофия соединяет в единое целое познание и поведение человека, путь его жизни [14, с. 66]. Этот путь подробно описан в «Лабиринте света» – своеобразной панораме социальной жизни европейского общества XVII в., энциклопедии «дел человеческих» (Я. А. Коменский). Разворачивая эту панораму, автор дает возможность читателю вместе со Странником – «социальным атомом», не связанным никакими сословными рамками, понаблюдать за жизнью разных людей. Вот как пишет об этом Коменский: *«Сошли мы по какой-то темной лестнице вниз, и я заметил, что в этих воротах находится огромный зал, полный молодых людей; на правой стороне сидит строгий старец и держит в руке огромную медную чашу. Я видел, как подходили к нему все пришедшие из ворот жизни, и каждый, коснувшись этой чаши и вытащив из нее знак с какой-то надписью, сразу двигался в какую-нибудь часть города. Один бежал с радостью и криком, другой шел с печалью и тоскою, оборачиваясь и озираясь...*

В это время Обман дотронулся до меня с другой стороны, давая этим знать, что и я также должен вытащить жребий. Я попросил его не понуждать меня брать только одно что-нибудь,... не поручаться только слепому счастью, будь – что будет. Но мне было объявлено, что этого без ведома и дозволения господина начальника, Судьбы, нельзя устроить. Тогда, приблизившись к нему с покорностью, я объявил о своем намерении... Тот ответил: «Сын! Видишь, что другие не делают этого, но берут то, что подано им или само попадется. Но если уж у тебя такое сильное желание, изволь». Написав жребий «Speculare», т. е. наблюдай или испытывай, подал его мне и отпустил меня [5, с. 22–23].

Эти наблюдения приводят автора к выводам, который неоднократно высказывались в более поздних работах. «Цель школ, – пишет он, – должна состоять в том, чтобы человек соответствовал своему назначению... он создан, чтобы разумно управлять самим собой и действовать, руководясь разумной и свободной волей, жить разумно, спокойно и пристойно» [Выход их схоластических лабиринтов», с. 10].

По мнению Коменского, «то образование, которым теперь кичатся школы и которое они предлагают, представляет собой нечто расточительное... Более разумные люди уже отметили, что оно недостаточно отвечает своей цели, так как оно редко приходит на помощь серьезным жизненным задачам» [«Предвестник всеобщей мудрости», с. 8]. «Мой метод предлагает немногое... но необходимое для жизни (этой и той)... немногое, но зато такое, что обеспечивает применение его на деле» [Выход из схоластических лабиринтов», с. 19].

В «Лабиринте света» Коменский высмеивает образование, оторванное от практических жизненных потребностей: *«я посмотрел на одного из этих магистров, которому приказали посчитать что-нибудь, – он не сумел, приказали измерить – не сумел, назвать звезды – не сумел, приказали говорить чужими языками – не сумел, приказали сказать речь на своем языке – не сумел, в конце концов, приказали прочитать и написать – не сумел. «Какой грех, – сказал я, – писаться магистром семи наук и ничего не знать»* [5, с. 58].

- ***Представление «лабиринта света» как «лабиринта вещей»***

Как известно, Коменский ставил способность «обращаться с вещами» рядом со способностью обращаться с Богом и людьми. Что такое «умение обращаться с вещами»? «Лабиринт света» как никакое другое сочинение Коменского раскрывает значение этого тезиса. «Чтобы блуждания людей по лабиринту мира не кончились трагически, – отмечает А. Лебеденко, – предлагаемое им воспитание сердец, понятое как *выведение молодежи из лабиринта вещей* (курсив мой. – *С. М.*), стало жизненной задачей Коменского педагога» [6, с. 7–8]. Вот как от имени автора рассуждает Странник о людях, блуждающих среди вещей: *«Скоро я увидел толпы людей, блуждающих повсюду и рассматривающих всякие вещи, даже щепки и мусор, собирающих их, понимающих на воз и складывающих в кучи. Я пытливо спросил, что это такое? Они ответили, что приготовляются к путешествию. «А отчего же не без этих поклаж – без них бы легче было ехать?» – «Глупый ты, – ответил мне мой провожатый* (Обман. – *С. М.*) – *как же бы они поехали? Это крылья их»* [5, с. 35].

Лабиринт, как уже было отмечено, представляет собой распространенный образ современного мира. В то же время он выявляет новые смыслы старой метафоры. В чем состоит этот «новый смысл» применительно к метафоре лабиринта земного мира как «лабиринта вещей»? «Этот мир, созданный нами, – пишет У. Эко, – помимо опасной возможности превратить нас в свое орудие содержит в себе элементы, на основании которых можно установить параметры *новой человеческой меры* (курсив мой. – *С. М.*)» [15, с. 339]. Процесс установления этих параметров связан с изучением исторических форм рациональности, в новых поисках смысла бытия, в становлении искусства «по-новому постигать вещи и устанавливать связи между ними» [Там же, с. 337]. Эта формулировка вызывает ассоциации со словами Коменского о необходимости «уметь обращаться с вещами» в этом мире, где правят неопределенность, беспорядок. «Притча о лабиринте, – заключает У. Эко, – могла бы стать метафорой ситуации биржи как «места, где каждый постоянно превращается в нечто, отличное от себя самого, и где больше невозможно прослеживать путь вложенных денег, невозможно истолковывать события согласно однонаправленной цепи причин и следствий» [Там же, с. 341–342].

В современном мире, в современном обществе потребления человеку все труднее вырваться из лабиринта вещей. Представления о механизмах этого мира лишилось в наше время того ореола, который в XVI–XVII вв. давало ему сопоставление с «машиной мира» – творением Бога. «Мы создаем какой-либо механизм, – пишет У. Эко, – он подавляет нас своей чуждой человеку реальностью... Кажется, что промышленный дизайн может решить эту проблему: он объединяет красоту и пользу и возвращает нам «очеловеченный», сделанный по человеческим меркам механизм... Но глядя на это оптимистическое решение, какой-нибудь осторожный моралист и критик скажет, что промышленность скрывает факт нашего угнетения..., которое на самом деле умаляет

нашу значимость и превращает нас в рабов». В качестве одного из примеров того, как машина овладевает человеком автор приводит «физическую, почти эротическую связь со своим автомобилем» [Там же, с. 301, 306]. Рассуждения о подобной связи с компьютером уже стали тривиальными.

Интересно сопоставить слова У. Эко о «механизме этого мира» с представлением Коменского о «машине мира». В таком сопоставлении разница смыслов отражает особенности технократического мышления, которое лишь намечалось в эпоху Коменского. Вот как писал Камоэнс (1524–1580) в конце XVI в.:

Предстала пред тобой машина мира,
Что с мудростью великой и бескрайней
Из вечных элементов и эфира
Сотворена с красой необычайной.

Перед современным человеком «машина мира» предстает в виде лабиринта вещей, которые, как отмечает У. Эко, были созданы им и одновременно им управляют. Механизмы этого мира подавляют человека, диктуют ему свои цели, создавая ситуацию отчуждения как от мира природы, так и от мира машин. Это отчуждение тем больше, чем сильнее человек верит в то, что эта ситуация – наилучшая из возможных [15, с. 293].

• ***Миротворческое начало «Лабиринта света»***

По признанию самого Коменского, мысль о создании «Лабиринта света» появилась у него в разгар Тридцатилетней войны, «когда войны захватили соседние страны и вскоре затем всю Европу, угрожая целиком разрушить христианский мир». Панорамы военных действий в «Лабиринте света» – самые жестокие картины человеческих заблуждений. В содержании «Лабиринта света» проявилось миротворческое начало пансофии. Вот описание сословия воинов: «*Потом мы пришли в соседнюю улицу, где сейчас же на первой площади стояло немало людей, одетых в красную одежду. Подойдя поближе к ним, я услышал, что они сговариваются о том, как бы дать крылья смерти, чтобы она во мгновение ока могла проникнуть издалека так же, как и вблизи. Советовались также, как бы разорить в один час то, что было устраиваемо в продолжение многих лет*» [5, с. 71–72].

Странника испугали такие речи: до сих пор ему приходилось слышать только рассуждения об удобстве и комфорте человеческой жизни, о славе, богатстве, бессмертии. Однако в ответ на его недоумение спутник, Толмач (Обман. – *С. М.*), ответил: *«И их стремление такое же, но несколько иным путем, именно: посредством уничтожения того, что служит помехой. Потом ты поймешь это»* [Там же]. С ужасом описывает Коменский многочисленные орудия для пыток и убийств, которым «*даже не видно было конца», «стада этих людей, одетых в железо», которых сначала досыта кормили и поили, а затем «вывели на плац, где на них падал дождь, снег, град, мороз, вьюга и всякая грязь, где они мучались жаждою и голодом, так что многие дрожали, тряслись, шатались, мерзли, отдавали себя на съедение вшам, собакам и коршунам*» [Там же, с. 72–73]. Картина войны, где «*слышно страшное огненное сверкание и гром, здесь то у того, то у другого летит прочь рука, голова, нога; один через другого падает и все плавает в крови*», приводит Странника в оцепенение. *«О всемогущий Боже! Что это делается? – сказал я – Неужели должен погибнуть этот свет?». Едва опомнившись, не знаю, как и куда попал я с этой площади, и, собравшись немного духом, но трясясь еще всем телом, спросил своих проводников: «Куда же вы привели меня?» Толмач ответил: «Ну тебя, размазню! Человеком быть – значит дать возможность почувствовать свои силы». – «Что же сделали они друг другу? – спросил я. «Господа поссорились между собою, так нужно уладить это дело». – «И что же, они улаживают его?» – «Конечно, – ответил он, – ибо кто же должен равнять великих господ, королей и королевства, которые не имеют над собою судей? Они сами должны решить это между собою мечом. Кто лучше станет драться железом с другим и повалит огнем, тот свое и поставит на верх». – «О варварство, скотство! – воскликнул я. – Разве не было других средств к примирению*» [Там же, с. 73].

Что предлагал Коменский, критикуя социальное устройство общества, политику войны

и насилия, знание, которое в своем развитии отделилось от мудрости – пансофии? Это были «ошеломляюще конкретные» (К. Э. Нипков) предложения: «Такими могли бы оказаться предложения наиболее дальновидных из сегодняшних политиков... Лишь в XX столетии поступили реальные предложения по созданию подобных организаций, и были основаны Лига наций, ООН, ЮНЕСКО. Все это и даже в большем масштабе предвосхищено Комениусом более 350 лет назад» [9, с. 44]. А. Вукасович подчеркивает значение «одной пансофической тенденции» в творчестве Коменского, которая становится все более актуальной в современном мире. Это идея «терпимости и всеобщего взаимопонимания между народами или, как это теперь принято называть, об идее мирного сосуществования, ... Теперь, когда достижения науки и техники привели человека к роковому перепутью, откуда дорога может вести к благосостоянию или к катастрофическому концу человечества и отрицанию достижений цивилизации, снова возникает насущная потребность в смягчении идеологических, религиозных, расовых, политических, национальных и других конфликтов в духе идеи пансофии. Ее дух терпимости и взаимопонимания между людьми и народами и в настоящее время затрагивает суть общественных процессов» [2, с. 159].

- ***Необходимость обучения в течение всей жизни***

В «Лабиринте света» Коменский обращается не к детям, а к юношеству, представляя мир как школу, в которой человеку необходимо сопровождение. «Мы живем в новое время и в совершенно иных условиях, – пишет А. Вукасович, – но пансофическая мысль о необходимости всестороннего образования все еще не только жива, но и сугубо злободневна. Ведь именно теперь, в период научно-технический революции, педагогика на первый план выдвигает проблематику общего образования и общей культуры для всех категорий населения. ...Без такой культуры и образования современный человек чувствует себя потерянным в условиях технической цивилизации [2, с. 159]. В начале XVII в., когда информационные потоки, как и в наше время, многократно увеличились, Коменский, как известно, подчеркивал необходимость всестороннего образования для учителя. «Некоторые книгочеи, – пишет он в сочинении «Единственно необходимое», – интересуются только тем, что имеет отношение к их профессии... Мы же рекомендуем всестороннее образование».

Позже это требование нашло отражение и развитие в трудах А. Дистервега, который, выдвинув тезис об «умении разучиваться», не менее важном, чем «умение учиться». Воспитание этого умения, непосредственно связанное с практической направленностью пансофической идеи, делает знание универсальным. «За видимым и привычным миром, – пишет С. Г. Вершловский, – за миром «здравого смысла» индивиду открывается мир скрытых отношений. Человек перешагивает узкие границы своего индивидуального существования, психологически и социально начинает становиться в определенном смысле универсальным существом» [1, с. 18].

Человеку необходимо учиться всю жизнь. Проблема старости и смерти – одна из основных проблем «Лабиринта света». «При обучении взрослых людей, – пишет К. Э. Нипков в книге «Ян Коменский сегодня», – акцент обычно делается на совершенствование профессионального образования... Идея «обучения в течение всей жизни» в структуре современного образования вызывает смешанные чувства и побуждает к вопросам. С одной стороны, конечно, способен учиться и взрослый человек. Новое дополнительное образование дает ему шансы для самораскрытия. С другой стороны, пожизненная учеба в современном обществе безжалостной конкуренции может восприниматься как понуждение и тягость. Но прежде всего следует задать вопрос: чему и как нужно учиться? Какое знание необходимо? Что полезного может дать для теории школы изучение соотношения между знанием и мудростью, предпринимаемое по следам Коменского?» [9, с. 48].

- ***Формирование «философии сердца» как концептуального основания систем воспитания и образования***

Многосмысленное библейское понятие «сердца» как средоточия духовной жизни занимает постоянное место в педагогической теории и практике. Первым в ряду «специальных произведений» этого направления А. А. Лебеденко называет «Лабиринт света и рай сердца» Коменского [6, с. 8]. Серьезный анализ этого сочинения необходим для решения актуальной для современной педагогики проблемы духовно-нравственного воспитания. Когда А. И. Ильин писал о «бессердечной культуре», он фактически имел в виду «ум без сердца» или, другими словами, «ум без разума». Сопоставление понятий «ум» и «разум», как известно, берет начало в античной философии, в рассуждениях Аристотеля о софии (мудрости) и фронесисе (рассудительности). В «Никомаховой этике» он делает выбор в пользу Софии как средства достижения цели – «целостной жизни», прозрачность которой достигается благоразумием человека, позволяющем ему понять свое предназначение.

Представление о «разумном оке сердечном», о «сердечном разумении» как основе целостного знания было свойственно христианской педагогической традиции. Ее развитие непосредственно связано с наследием Коменского, который, как отмечает Э. Шадель, «в адрес высоко ценимого им Раймунда из Сабунды... высказывает критическое замечание, что тому знакомы только две Божественные книги (Библия и природа). Чтобы восполнить этот дефицит, Коменский предлагает третью — «внутренний свет [человеческого] духа» ... Благодаря решающему переходу *от человека в мире к миру в человеке* вводится внутреннее измерение (но *не* принципиальный настрой на чувственное) существующего... Каждый отдельный человек, таким образом, благодаря своей внутренней духовности становится репрезентативным измерением бытия, или, по словам Плотина, «духовным космосом» [18, с. 21]. В сочинении «Лабиринт света и рай сердца» эти представления Коменского выражаются в сердечном начале, в разуме человека.

Что особенно важно воспитать в наши дни? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, К. С. Льюис отмечает, что учителя, зная чувствительность детей, стремятся прежде всего укрепить их ум, дать знания. «Я сам учитель, – пишет он, – и опыт говорит мне об ином. На одного ученика, которого надо спасти от сентиментальности, приходится минимум три, которых надо спасать от бесчувственности... Единственное спасение от ложных чувств – чувства истинные. Удушая чувствительность у ребенка, мы добиваемся лишь того, что пропаганде будет легче его одурманить. Голод по чувству надо чем-то насытить, а очерствение сердца не помогает против размягчения мозгов» [7, с. 378]. Это «очерствение сердца» описал Коменский, рассказывая о блужданиях Странника в «Лабиринте света», раскрывая характеры его попутчиков – Всеведа и Обмана. В «философии сердца» как основе гуманной педагогики (А. Лебеденко) отражается существенное противоречие между приоритетом успеха во внешнем мире и необходимостью формирования внутреннего мира. Это противоречие выявляет образ Всеведа – одного из центральных персонажей в «Лабиринте света».

- ***Выражение отношения Коменского к всеведению, многознайству, обширному знанию без понимания (образ Всеведа)***

Образ Всеведа – одного из трех центральных персонажей «Лабиринта света», что чрезвычайно важно для современного понимания известного тезиса Коменского «учить всех всему», прямо говорит об отношении автора к всеведении, многознайству, обширным знаниям без понимания. Всеведа постоянно сопровождает Обман: *«А что же без меня? Знаешь ведь, что твоя обязанность провожать, а моя – указывать, что где находится»* [5, с. 19]. В начале текста «Лабиринта света» Коменский описывает внешность Всеведа: это *«человек с твердой поступью, осмысленным взором и быстрою речью, так что казалось, будто ноги, глаза, язык, – все у него вращалось на пружинах»* [5, с. 17–18]. Вот как он представляется: «*Имя мое Всевед прозвище Вездесущ, – ответил он. – Я провожу через весь свет, смотрю во все его стороны... если ты пойдешь за мной, то поведу тебя во многие тайные места, куда без меня ты никогда не попал бы»* [Там же, с. 18]. Странник обрадовался такому провожатому, однако Всевед предупре-

дил, что если он хочет судить обо всем «по своему разуму», вряд ли этим останется довольна королевна – *«та, которая управляет всем светом и его делами.... Имя ей – Мудрость, хотя некоторые умники называют ее суетою. Поэтому я заранее предупреждаю тебя: когда мы будем ходить и осматривать там, ты не умничай там, иначе попадешь в беду, и я вместе с тобой»* [Там же].

Вскоре они встречают знакомого, который обращается ко Всеведу с такими словами: *«А что же без меня? Знаешь ведь, что твоя обязанность – провожать, а моя – указывать, где что находится»* [Там же]. Новый знакомый представился толмачом королевны света, Мудрости. Странник обрадовался такому проводнику, однако испугался, услышав его имя – Обман: «*Всевед обратился ко мне: «Что – на попятный двор?» Не успел я ответить ему что-нибудь, как он набросил на меня узду, удила которой попали мне в рот... Другой же провожатый со своей стороны повел такую речь: «А я дам тебе очки, через которые ты будешь глядеть на свет». И вдруг насадил мне на нос очки, взглянув через которые на свет я увидел перед собою все в другом виде.... На мое счастье надел он мне их как-то криво, так что они не прилегали вплотную к глазам, и я, повернув голову и подняв глаза, мог глядеть на вещи совершенно естественно. Я обрадовался этому и подумал: «Хоть вы и замкнули мне рот и заслонили глаза, но я верю своему Богу, что не отнимете вы у меня разума и мысли. Пойду и посмотрю, что представляет из себя этот свет, на который по желанию госпожи Суеты нужно смотреть через ее очки, а не собственными глазами»* [Там же, с. 20].

Сначала оставаясь на заднем плане, Обман все более оттесняет Всеведа, постоянно осаживая Странника: *«И с чего тебе, умнику, это чудится?... Не мудрствуй чрезмерно!... Ни в чем не сомневаться, всему верить, ничего не проверять, все принимать, ничего не порицать, всем быть довольным... Тогда бы ты спокойно шел своим путем... Уж и не знаю, чем помочь твоей дурной голове...»*.

«Идти своим путем» значит здесь «быть как все». Совсем другой смысл вкладывал в это выражение Коменский: «Цель мудрости в том, – писал он в своем духовном завещании «Единственно необходимое», – чтобы люди не следовали как скот за толпой, шедшей прежде них, идя не куда следует, а куда глаза глядят. Нет, они должны, ясно видя дорогу перед собой, благоразумно следовать по ней, помятуя о прошедшем, понимая настоящее и предвидя будущее» [VI, 1]. Посмотрев весь свет, попутчики приводят Странника к замку королевны света – Суеты: *«Мы пришли к лестнице, по которой ходили куда-то наверх; боясь, что лестница рухнет, я не хотел идти; вероятно, сердце мое предчувствовало, что должно мне встретиться там. Толмач сказал: «К чему мой милый, эта фантазия? Бойся, чтобы небо не рухнуло. Разве не видишь, как много других идут вверх и вниз?». Таким образом, по примеру других, пошел и я по высокой винтообразной лестнице; идя по ней, можно было получить головокружение»* [Там же, с. 87].

Всевед видит маски, а не суть вещей, он ведет Странника по маскараду, ориентирует его на успех в маскараде [Там же, с. 24]. Все средства хороши для этого. Пансофия как «искусство отличать нужное от ненужного» (Я. А. Коменский) ориентирует педагогику на формировании внутреннего мира человека. «Хочешь, чтобы твой ученик знал много и основательно?» – задает вопрос Коменский во «Всеобщем совете об исправлении дел человеческих», и так отвечает на него: «Научи его многое не знать, а именно те пустяки, которыми занята толпа». Наблюдая конец жизни человеческой, Странник остается в одиночестве: оба неразлучных спутника, Всевед и Обман, покидают его. «Перед лицом смерти обман заканчивается» – одна из поговорок, о которых автор неоднократно напоминает читателю. Всеведение, много знаний без понимания – тот же обман.

Разногласия Странника и Всведа не всегда выливаются в споры и столкновения. Может быть, в этом сказался характер Коменского, который не был склонен к спорам, считая их напрасной тратой времени. Однако уже с первых страниц книги Странник не следует совету своих провожатых, не доверяется чужому мнению, он хочет все попробовать сам, во всем

сомневается и ничего не принимает на веру. Не в изменчивых ориентирах внешнего мира, а только в своей природе, в «раю сердца», в понимании своего предназначения, в собственных корнях берет начало настоящее образование. «В историко-педагогической традиции, – пишет Ю. В. Сенько, – взгляд на образование как у-знавание – «все из собственных корней» восходит к Я. Коменскому: «Обучать надлежащим образом юношество – не значит набивать головы учеников смесью всяких фраз, изречений, мыслей, собранных из писателей, но *раскрывать разумение вещей* так, чтобы из него, *как из живого источника,* вытекали ручейки, подобно тому, как из древесных почек вырастают *листья, цветы, плоды*»... Эта метафора перекликается с метафорой обретения знания как родовспоможения, предложенной Сократом и разработанном в его майевтическом методе [12, с. 9].

Подведем итог. Наследие Я. А. Коменского отражает особенности его эпохи – преддверия Нового времени. Именно тогда, в XVII столетии, окончательно преодолевается европейская замкнутость, формируется глобальное сознание, мир ассоциируется с рынком, где человеку необходимо проявлять независимость, самостоятельность, предприимчивость. Мир как лабиринт, как «рынок, наполненный разными товарами и людьми» отражен Коменским в его сочинении «Лабиринт света и рай сердца». Актуальность этого сочинения для современной педагогики отражена в следующие его концептуальных и содержательных аспектах:

- выявление практической направленности пансофической идеи;
- представление «лабиринта света» как «лабиринта вещей»;
- миротворческое начало «Лабиринта света»;
- необходимость обучения в течение всей жизни;
- формирование «философии сердца» как концептуального основания системы духовно-нравственного воспитания;
- выражение отношения Коменского к всеведению, многознайству, обширному знанию без понимания (образ Веведа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вершловский С. Г.* Образование человека: ценности и мотивы // Актуальные проблемы современного образования. СПб.: СПбАППО, 2008. С. 13–21.

2. *Вукасович А.* Концепция пансофии у Я. А. Коменского // Материалы международного симпозиума «Человек – культура – общество в концепции Яна Амоса Коменского». М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 153–159.

3. *Джибладзе Г. Н.* Философия Коменского. М.: Педагогика, 1982. 168 с.

4. *Колесникова И. А.* Педагогическая реальность Яна Амоса Коменского: взгляд из XXI века // Материалы международной научно-практической конференции «Наследите Яна Амоса Коменского в контексте проблем современного образования». СПб., 2007. С. 12–24.

5. *Коменский Я. А.* Лабиринт света и рай сердца / пер. Н. П. Степанова // Сочинения. М.: Наука, 1997. 476 с. (Памятники философской мысли).

6. *Лебеденко А. А.* Философия сердца в концепции гуманной педагогики. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2005. 128 с.

7. *Льюис К. С.* Человек отменяется, или мысли о просвещении и воспитании, особенно же о том, чему учат в старших классах английских школ // Собр. соч.: в 8 т. М.: Изд. фонд о. Александра Меня, 1999. Т. 3. С. 371–404.

8. *Морева Л. М.* Международный симпозиум «В лабиринтах культуры: философия, культура, человек в поисках самоидентичности» // Вестник РГНФ. 1997. № 2. С. 149–159.

9. *Нипков К. Э.* Ян Коменский сегодня. СПб.: Глаголъ, 1995. 103 с.

10. *Равкин З. И.* Великий реформатор школы. К 400-летию со дня рождения Я. А. Коменского // Педагогика. 1992. № 5–6. С. 81–85.

11. *Розин В.* Образование в меняющемся мире // Alma Mater. 2006. № 7. С. 18–27.

12. *Сенько Ю. В.* Образование: обращенность в будущее // Вестник Высшей школы. 2006. № 3. С. 3–10.

13. Человек – культура – общество в концепции Яна Коменского: материалы работы международного симпозиума. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.

14. *Шаллер К.* Универсализм Я. А. Коменского // Материалы международного симпозиума «Человек – культура – общество в концепции Яна Амоса Коменского». М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 65–73.

15. *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Симпозиум, 2006. 412 с.

16. Comenius und der Weltfriede. Deutsche Comenius. Gesellschaft Berlin, 2005.

17. *Treml A. K.* Die utopische und reale Dimension in den Schriften des Johann Amos Comenius // Comenius und der Weltfriede. Deutsche Comenius. Gesellschaft Berlin. 2005. S. 858–873.

18. *Schadel E.* Sehendes Herz (cor oculatum) – zu einem Emblem des spaeter Comenius // Schriften zur Tradik und Ontodynamik. Frankfurt am Mein, 2003.